

БРИКС — объединение нового типа в условиях глобализации

Группировка БРИКС вышла на второй круг саммитов. Появилась она после 2006 г., когда начались постоянные политические консультации в формате совещания министров иностранных дел в то время еще четырех участников. Первый саммит, как известно, прошел в России (Екатеринбург, 2009 г.). Затем главы государств и правительств собирались в бразильской столице (2010). Третий саммит прошел в Китае (г. Санья, 2011 г.). В 2012 г. лидеров БРИКС принимал Нью-Дели. Южноафриканский Дурбан (2013) замкнул первый круг. Второй, как сейчас представляется, будет более упорядоченным — принимающие города расположены в алфавитном порядке, начиная с Бразилии.

Что можно сказать по итогам всех этих лет? Насколько подтвердилась жизнеспособность БРИКС, адекватность его модели современной мировой ситуации? Куда ведут объединение «пятерки» требования времени и собственные интересы стран-членов?

Прежде всего следует констатировать: БРИКС ни в коей мере не является продуктом конъюнктуры. Объединение действительно отвечает логике объективных и необратимых сдвигов на мировой арене. В обстановке глобализации, в условиях экономики, действующей online, при резком ускорении диффузии технологического обновления происходит усиление не-

Давыдов Владимир Михайлович — директор Института Латинской Америки РАН, член-корреспондент РАН
Бобровников Александр Вячеславович — ведущий научный сотрудник ИЛА РАН, д.э.н.

равномерности развития национальных хозяйственных систем. Преимущества в издержках производства, в их комбинации, в наделенности природными и людскими ресурсами выводят на передний план новые центры мировой экономики¹. В свою очередь, традиционные центры отягощены сатурацией своих внутренних рынков, старением населения, обострением ряда ключевых рыночных дисбалансов, в том числе «выходом из повиновения» массы финансовых деривативов, амортизацией прежней системы экономического регулирования.

Соответственно начинает действовать механизм нисхождения/восхождения. В итоге складываются объективные предпосылки для изменения расстановки сил на мировой арене, для включения новых факторов и акторов в механизм глобального регулирования. И тогда мы обнаруживаем смену ролей на верхних этажах мировой иерархии. В общем и целом налицо движение в направлении полицентричного миропорядка, в направлении демократизации международных отношений. Но на этом пути немало рифов.

Суровое испытание глобального экономического кризиса было пройдено членами БРИКС не без потерь, что выразилось в ослаблении динамики экономического роста. Но она оставалась, как правило, позитивной (особенно в КНР и Индии). Группа БРИКС продемонстрировала увеличение веса в мировой экономике и активизировала воздействие на решение мировых дел. «Пятерка», занимая 29% земной суши (без учета Антарктиды), имеет почти 43% мирового населения. По доле в суммарном валовом продукте мира по ППС удельный вес БРИКС составляет почти 27%, но по вкладу в прирост мирового продукта 2012 г. доля «пятерки» свыше 47%² (подробнее см. табл. 1).

Появление БРИКС во многих аспектах предстает как результат естественных процессов, происходящих в мировой экономике. Уходит в прошлое модель ее управления, складывавшаяся на протяжении индустриальной эпохи. Тогда центральным звеном выступали национальные экономики нескольких наиболее развитых государств. Отношения между ними выстраивались

Таблица 1. Доля БРИКС в общемировых показателях, %

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012
Объем ВВП (ППС, цены 2005 г.)	16,8	20,0	25,3	26,2	26,8
Инвестиции в основной капитал (в ценах 2005 г.)	9,3	14,2	28,2	30,0	31,4
Потребление электроэнергии	22,0	27,4	32,7	34,1	35,2
Нетто приток прямых иностранных инвестиций	5,9	11,2	25,0	24,9	27,1
Экспорт товаров и услуг	7,0	11,3	15,3	15,7	16,2
Золотовалютные резервы	13,3	27,1	40,2	40,2	39,3

Источник: The World Bank. Indicators, 2000–2013. <http://data.worldbank.org/indicator>

иерархически на основе жесткой конкуренции и с позиции силы; прежде всего, упор делался на военном превосходстве, которое сегодня уже не играет прежней роли.

В условиях глобализации второй половины XX столетия ситуация начала качественно меняться. Появление десятков новых государств, которые вступили на путь динамичного развития (поэтому их и назвали «развивающимися») и скоро стали претендовать на свое место под солнцем, усилило тенденцию к коалиционному управлению и заложило основу того, что впоследствии окрестили «коллективным Западом». ОЭСР, «северная трилатераль», G7 — это не столько группировки в традиционном понимании, сколько неформальные координационные центры, структуры по лоббированию и согласованию интересов, по соединению усилий, направленных на регулирование мирохозяйственных процессов. Но, конечно, не будем забывать, что регулирующую роль параллельно выполняли межгосударственные экономические институты, примыкающие к ООН (МВФ, Всемирный банк, ГАТТ, ВТО), а также Базельский комитет по банковскому надзору.

В условиях интенсивной транснационализации бизнеса и выстраивания глобальных производственных цепочек (сначала достаточно примитивных, а потом все более сложных из-за подключения сетевых технологий и Интернета) административный ресурс национальных государств по регулированию торгово-экономических потоков начал убывать. Неолиберальные реформы стали для них суровым вызовом, почти что «взорвав» прежние системы управ-

ления. Государство вынуждено было делегировать значительную часть своих прежних функций вниз, на уровень регионов внутри стран, и еще большую часть — вверх, на уровень появившихся интеграционных блоков. Но те тоже не обладали механизмами должного регулирования, а тем более эффективного управления транснациональным бизнесом. Ведь изначально они формировались из числа расположенных по соседству государств, что исключало возможность серьезного воздействия на трансконтинентальные экономические потоки в сферах торговли и финансов.

В силу формирования глобальных производственных цепочек изменилась сама модель международного разделения труда. Раньше большие группы государств имели четкие сравнительные преимущества по определенным факторам производства. Например, с точки зрения капиталоемкого и техноемкого производства — так называемый первый мир, или традиционные центры мировой экономики, и с точки зрения трудоинтенсивного — третий мир, традиционная периферия. Теперь эти границы быстро размываются, что отчетливо просматривается и в формате БРИКС. Россия не только ведущий экспортер энергоносителей, но и крупный поставщик вооружений и технологий двойного назначения. Бразилия занимает устойчивые ниши не только на международных рынках продовольствия, но и на рынках авиационной техники. Китай и Индия обладают резервом трудовых ресурсов планетарного уровня, но при этом первый де-факто уже превратился в «мастерскую мира» современности, а вторая располагает крупным сегментом высокотехнологич-

ного производства, в частности в сферах фармакологии и разработки программного обеспечения. Можно даже сказать, что новое международное разделение труда все глубже проникает в ткань национальной экономики.

Под влиянием отмеченных сдвигов в мировой экономике теряет смысл прежнее противостояние Севера и Юга. Их диалог, зашедший в тупик в XX в., обретает новые измерения в рамках интеграционных союзов следующего поколения. Речь идет о возникновении внутренне «асимметричных» объединений стран совершенно разного уровня развития, разного геополитического веса, разных культур и конфессиональных предпочтений. Пожалуй, первым объединением такого рода (к тому же трансконтинентальным) стал АТЭС. И понятно, почему в этом случае наиболее адекватным для него принципом явился «открытый регионализм». Участники объединения находились на слишком разных стартовых позициях, и в таких условиях ориентация на индивидуальный график вхождения в объединение была неизбежной. Одновременно многие из участников были традиционно завязаны на другие интеграционные схемы, а потому принцип открытости и ненаправленности против третьих стран был для АТЭС единственно возможным выбором.

БРИКС — международное объединение особого типа, но идущее в русле своего времени. При этом очевидно, что модель объединения еще не устоялась, что оно находится в стадии поиска. До сих пор БРИКС относится к ряду тех международных объединений, которые пока не имеют привычной нам международно-правовой формализации.

Соответствующая политическая воля в странах-членах пока не созрела настолько, чтобы с одинаковым осознанием необходимости вести дело к институционализации, к превращению «пятерки» в полноформатную международную организацию со своей представительской и исполнительной структурой. Однако, по нашему мнению, продекларированные БРИКС ориентиры, характер и масштаб намеченных проектов, неизбежность осуществления контактов и взаимодействия с давно организованными международными структурами — все говорит о том, что рано или поздно, в той или иной степени БРИКС придется позаботиться о собственной институционализации. Впрочем, нам могут возразить в том смысле, что дело все-таки движется: с каждым очередным саммитом принимаются решения, которые приближают старт институционализации. С другой стороны, следует признать: есть резон говорить о возможности серьезного воздействия на мировые процессы и у ряда неформализованных объединений, включая G20.

Вставая на философски прагматическую позицию (история рассудит), мы предлагаем следующее определение: в случае БРИКС речь идет о трансконтинентальной коалиции, возникшей по широкому кругу геоэкономических и геополитических мотивов, связанных с изменением весовых категорий в мировой иерархии и механизмов глобального регулирования, коалиции, которая, на наш взгляд, следуя логике развития, со временем придет к институционально налаженной структуре.

Начиная с екатеринбургского саммита (2009), круг общих интересов стран-членов и содержательное наполнение

повестки очередных форумов резко пошли вширь. Первоначально одним из основных мотивов была общая заинтересованность в реорганизации мировой финансово-экономической архитектуры с учетом возросшего веса новых влиятельных акторов, вошедших в объединение четырех, а затем и пяти восходящих держав. Усугубление глобального кризиса, эрозия прежней системы глобального регулирования, возникновение новых «горячих точек» на политической карте мира — все это вносило свою лепту в тематику работы в формате БРИКС и в предмет координации деятельности стран-членов на международной арене.

Сначала по результатам многосторонних консультаций стали проводиться встречи на министерском уровне. Помимо дипломатических ведомств отраслевые совещания прошли по линии министерств финансов, экономического развития, промышленности и торговли, сельского хозяйства, а также госорганов, ответственных за национальную безопасность. Регулярными становятся встречи и консультации по линии центральных банков, государственных банков развития и основных биржевых структур. В общей сложности на начало 2014 г. проводилась работа в 20 форматах. В ведущих международных организациях общемирового масштаба (прежде всего, в системе ООН) вошли в практику координационные совещания представителей стран — членов БРИКС. Удалось, хотя и не без трудностей, найти взаимопонимание в Совбезе ООН по самым острым вопросам, в том числе по сирийскому. Параллельно саммитам стали созываться специализированные форумы, в том чис-

ле академический (ежегодные встречи представителей «мозговых центров») и предпринимательский. Готовится почва для проведения парламентского форума БРИКС.

Развитие вширь достигло гражданского общества. Многие общественные движения и организации (молодежные, женские, спортивные, культурные и т.п.) выразили готовность участвовать в программах многостороннего сотрудничества в формате БРИКС. В инициативах и предложениях с их стороны у БРИКС нет недостатка. И это, несомненно, положительный факт. Можно сказать, перефразируя известное изречение, что идея БРИКС способна овладевать массами.

Начинают вырисовываться очертания проектов многостороннего сотрудничества, которые, на наш взгляд, могут стать структурообразующими, сущими конструкциями экономического взаимодействия «пятерки». В первую очередь, речь идет о создании банка развития БРИКС, о страховом валютном фонде, о биржевом альянсе. Приоритетное значение приобретают сотрудничество в обеспечении кибербезопасности, соединение стран-членов оптоволоконными линиями связи и (там, где этого нет) прямым регулярным воздушным сообщением, которое обеспечивается национальными перевозчиками.

Наивно закрывать глаза на различия и асимметрии в формате БРИКС. Так, Китай сегодня намного превосходит других членов «пятерки» по размерам экономического потенциала. Особо велика дистанция, отделяющая его от ЮАР. Вместе с тем, как хорошо известно в мировой практике, различия вполне могут стать и становятся основой вза-

имодополняемости. Детально изучив наличие экономических и социально-политических различий, российские эксперты пришли к однозначному заключению: «в формате БРИКС поле совпадения интересов заметно шире поля их расхождения, что обеспечивает объективный характер, реалистичность формирования совместной платформы БРИКС по обширному кругу вопросов мирового развития»³.

Все время существования БРИК/БРИКС неизменно звучали голоса печальных скептиков и язвительных критиков, большей частью сторонних, но порой и отечественных. Одни страны-члены они «дезаурировали» за слабый динамизм их экономики. Другие лишали права на включение в БРИКС за недостаток демократии, третьи — за высокие показатели бедности и неравенства. Немало было попыток противопоставить одних участников «пятерки» другим, отмечалось стремление провоцировать недоверие между ними. Сегодня доминирует тема торможения экономической динамики в странах БРИКС. Отсюда — внушается мысль о том, что в таком случае теряется сам смысл образования группировки, которая изначально была составлена из быстро входящих держав.

Но, видимо, такое упрощение, идущее еще от экспертной команды Теренса Джеймса О'Нила⁴ из «Голдмен энд Сакс», нельзя воспринимать некритически. Позиция группы авторов из Института Латинской Америки РАН, начавших разработку темы в 2004 г., изначально строилась иначе — не с точки зрения появления на прогнозном горизонте новых крупных и динамичных объектов инвестиционной деятельно-

сти и торговой экспансии, а с точки зрения появления новых влиятельных субъектов международных отношений, потенциальных участников «клуба» глобального регулирования. Нас, разумеется, интересовал и более конкретный сюжет: какое место под солнцем может занять Россия в новом мировом контексте, с кем и на каких основах ей целесообразно вступать в стратегическое партнерство.

Но вернемся к тезису о торможении экономического роста стран — членов БРИКС, ставящем под сомнение состоятельность этого объединения. Последним примером служат интерпретации на очередном Давосском форуме (январь 2014 г.) Нуриэля Рубини, профессора Нью-Йоркского университета и нового гуру в экспертном сообществе США. Рубини образно окрестил нынешнюю ситуацию в БРИКС «кризисом среднего возраста», имея, видимо, в виду то, что участники этого проекта хорошо справились с первым кругом своих задач, но теперь уже не обнаруживают предпосылок для продолжения динамичного восхождения. Рассмотрим конкретно аргументы Рубини⁵ и наши контраргументы (табл. 2).

Однако к чести Рубини следует заметить, что он при всем при том пытается выйти на сбалансированную оценку. Его заключение о предстоящей ситуации в странах «пятерки» звучит следующим образом: «Конечно, исходя из недавних трудностей в их экономике, нельзя впадать в излишний пессимизм относительно перспектив БРИКС. Применительно к возможностям роста этих стран в будущем имеется немало резонов для оптимизма». Вот с таким тезисом можно однозначно согласиться,

Таблица 2. Аргументы Н. Рубини и их антитезы

№	Аргумент	Антитеза
1	Успешно осуществив реформы первого поколения, страны-члены не смогли приступить к структурным реформам второго поколения	Интерпретация, разумеется, зависит от понимания содержания «структурных реформ». Если речь вести об адаптации к посткризисным условиям и соответствующей корректировке модели развития, то это все же происходит в странах «пятерки» с большей либо меньшей настойчивостью. В КНР уже произведен энергичный разворот экономической и социальной стратегии. Бразилия произвела серьезную ревизию и приняла новые стратегические решения. Индия, Россия, ЮАР определились в диагнозе новой ситуации и находятся в поиске адекватных рецептов. В частности, РФ в 2014 г. приступает к масштабной приватизации госактивов
2	Страны-члены пошли преимущественно по пути госкапитализма, допустив избыточную роль госсектора и госкорпораций	Снижение темпов прироста ВВП трудно связывать с госкапитализмом. Мировая практика (включая страны БРИКС и новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии) очень часто свидетельствует о противоположном. Но истина конкретна — одно государство может быть эффективным, другое неэффективным, так же, впрочем, как и частное предприятие. Одно эффективно, другое нет
3	Исчерпан суперцикл высокой конъюнктуры по базовым товарам (commodities), что негативно сказывается на положении экспортеров этих товаров из числа участников БРИКС	Негативное влияние, несомненно, имеет место. Однако преждевременно выдавать конъюнктурный спад за конец «суперцикла». В прогнозах правильнее ориентироваться на долгосрочные тренды. С другой стороны, нельзя игнорировать вероятность нарастания дефицитности на отдельные виды минерального сырья, а тем более продовольствия
4	Сказался перегрев экономики во время бума внешней конъюнктуры, связанный с кредитной накачкой, завышением курса национальной валюты, приводящим к потере конкурентоспособности	Быть может, перегрев экономики и сыграл негативную роль, завысив благодаря массивному притоку иностранных инвестиций курс национальной валюты и понизив конкурентоспособность экспорта. Однако этот недостаток сейчас быстро устраняется в зоне БРИКС практически повсеместно
5	Ряд стран БРИКС (КНР и РФ) лишены демографического дивиденда, а уменьшение демографического роста ведет к сдерживанию экономической динамики	Хорошо известно, что КНР и РФ лишились демографического дивиденда не сегодня, а довольно давно (особенно Россия). Но и в России в последнее время ситуация начала исправляться, а КНР недавно отказалась от политики «одна семья — один ребенок». В Бразилии, Индии и ЮАР демографический дивиденд продолжает действовать
6	Страны «пятерки» попали в ловушку «среднего уровня доходов», когда, решив задачи выхода на этот уровень, они задерживаются в этой нише, не будучи в состоянии решить более сложные задачи восхождения к высоким доходам	Говорить о синхронном попадании стран БРИКС в ловушку «среднего уровня доходов» никак не приходится. Прекрасно известно о значительном разрыве в уровне благосостояния. В РФ подушевой ВВП в 2,5 раза выше, чем в КНР, вшестеро больше, чем в Индии, и вдвое превосходит показатель ЮАР

рассчитывая (или надеясь) при этом на профессионализм в разработке нового посткризисного курса.

Легко понять тех критиков, которые озабочены сохранением позиций традиционных центров мировой экономики и мировой политики. Проект БРИКС им явно путает карты. Сложнее понять догматы фаталистов, верящих в неизбежность иерархии, сложившейся на протяжении прошедшего века. Сегодня критики воодушевлены торможением экономического роста «пятерки». Слов нет, несмотря на относительно благополучное прохождение острой фазы глобального кризиса⁶, сбои и торможение в посткризисный период означают лишь одно — что императив модернизации, императив корректировки модели развития в России и других странах «пятерки» становится все более настоящим. Об этом свидетельствует пересмотр многих прежних представлений. Тем не менее и на сегодня в общем зачете БРИКС остается наиболее динамичной частью мировой экономики. Средний темп прироста ВВП здесь по-прежнему превышает среднемировой показатель.

«Пятерка» продолжает наращивать свой вес в мировой экономике. Ее доля в общемировом ВВП поступательно возрастает. Одновременно мы видим существенные темпы прироста торговли внутри БРИКС: они заметно превосходят среднемировой показатель. Но этого явно недостаточно для перехода к задачам экономической интеграции. Сказывается общая конъюнктура мирового рынка (прежде всего, в традиционных центрах), которая перешла на режим вялотекущего процесса. Резерв динамичного развития не исчерпан,

но уже в значительной мере потрачен. Для продвижения вперед в деле экономического взаимодействия «пятерке» необходимо всерьез заняться созданием инфраструктуры сотрудничества, как институциональной, так и физической.

Возможности влияния БРИКС на мировую экономику, на формирование механизмов глобального регулирования, соответствующих условиям нынешнего века, подкрепляются двумя стратегическими обстоятельствами. Во-первых, важным преимуществом широкой репрезентативности, что, конечно же, особо ценно для международных структур, входящих в «клуб» глобального регулирования. БРИКС де-факто представляет четыре континента, объединяет пять региональных лидеров, пять крупнейших цивилизационных ареалов. Соответственно, «пятерка» вправе говорить от имени большей части мирового сообщества. Во-вторых, в формате БРИКС можно усматривать своего рода подтверждение идеи «союза союзов», которую де-факто активно продвигала бразильская дипломатия (в частности, в полемике с американскими переговорщиками по поводу проекта АЛКА). На сегодня каждый из членов «пятерки» уже имеет за плечами более-менее обширную региональную группировку: Китай — Восточно-азиатский саммит (ВАС), Индия — Южноазиатскую ассоциацию регионального сотрудничества (СААРК), Россия — ЕврАзЭС и тройственный таможенный союз, Бразилия — Союз южноамериканских наций (УНАСУР), ЮАР — Южноафриканское сообщество развития (САДК). И это не говоря о появлении многосторонних объедине-

ний, например Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) или союза Индии, Бразилии и ЮАР — ИБСА.

Дальнейшее содержательное наполнение формата БРИКС волей-неволей будет подталкивать к большей координации действий между рядом региональных и субрегиональных объединений, способствовать постепенному повышению их роли в системе международного регулирования. В конечном счете это подкрепит многоуровневую систему управления мировой экономикой, придаст ей большую устойчивость, а в условиях кризиса поможет компенсировать временные трудности на одном уровне (скажем, глобальном) мерами, принимаемыми на другом (региональном), и наоборот.

Примечания

1. См.: раздел 2.4 «Новые центры» — Россия в полицентричном мире/Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011.
2. Подсчитано по данным: Год планеты: экономика, политика, безопасность. Выпуск 2013 года. ИМЭМО РАН. М., 2013. Приложение.
3. Россия в БРИКС. Стратегические цели и средства их достижения. НКИ БРИКС. М., 2013. С. 4.
4. Заметим, между прочим, что команда О'Нила не имеет ни монополии, ни права первооткрывателя применительно к теме восходящих гигантов и их взаимодействия на международной арене. За несколько лет до «прозрения» О'Нила и его коллег свои версии на эту тему высказывали бразилец Элио Жагуарибе, россияне Владимир Лукин и Евгений Примаков, американец Пол Кеннеди.
5. Roubini N. Davos 2014: Are the BRICS in midlife crisis? Economic Forum Annual Meeting 2014 in Davos-Kloster. <http://forumblog.org/2014/01/brics-midlife-crisis>
6. Срыв в российской экономике в 2009 г. был быстро компенсирован и даже перекрыт положительной динамикой ВВП в 2010–2012 гг.